

Перевод с болгарского

М О Т И В Ы

Нельзя обрисовать конкретно отдельную вину каждого из подсудимых, по обвинению по ст.2 §§ 2 и 10 Закона "О Народном Суде" виновников вовлечения Болгарии в войну и последствий ее, не сделав общего обзора событий, предшествующих Катынскому и Винницкому делам. Это событие очень велико, оно имеет международный характер, но в мотивах его нельзя было бы обрисовать полностью.

После своего вторжения на обширные советские земли, немцы твердо и непоколебимо поставили себе задачи, которые выражены в книге Гитлера "Моя борьба". Это было в гармонии со всей немецкой философией о сильной личности, о расизме, причем первая из них была в своей стихии до подготовки прошлой европейской войны, а вторая — при подготовке последней.

Верные этой философии и этому лозунгу немцы считали, что можно завладеть восточными землями, преимущественно славянскими, причем тезис "славяне должны стать удобрением для германской расы", получив не только символическое, но и реальное выражение.

Но восточные земли были населены народами, которые имели свою старую и новую культуру и которые внесли немалый вклад в общечеловеческую цивилизацию.

Поляки создали в области художественной литературы и музыки такие произведения и таких мастеров, которые стоят, если не выше, то наравне с немецкими. Украинцы создали Шевченко, Го-

голя, Глинку — гениальных творцов с огромной мировой известностью.

Но не только это: восточные земли были густо населены. Польша по густоте населения не уступает Германии, Украина тоже густо населенная страна. Да и в других областях Советского Союза, где позволяли географические и климатические условия, жило население, которое в лихорадочной борьбе преобразовывало свои земли, улучшая быт, повышая культуру и благоденствие человечества.

Советский Союз гигантскими шагами создавал новую культуру, при навиданных до сего в истории темпах, но немецкая философия, а затем и немецкий империализм, теперь уже под формой национал-социализма, решили "облагородить восточные земли благородной немецкой кровью", как выразился министр хозяйства и губернатор Польши Франк.

С присущей немцам твердостью, дисциплиной и жестокостью они приступили к осуществлению поставленной задачи с такой бесчеловечностью, которая не имеет равных себе в истории войн. Жестокость и бесчеловечность не были индивидуальным выражением, проявлением или капризом отдельного солдата, но выражением государственной системы, проводимой с беспримерной твердостью.

Первой жертвой была Польша.— славянская страна, являвшаяся трамплином между Германией и Востоком и плацдармом для войн в течение веков. Эта первая преграда должна была быть устранена. После того, как страшная военная машина в своей стихии разбила польскую армию и подчинила себе польские земли, последовал второй акт драмы — уничтожение польского народа, что являлось

главной задачей немецкого империализма, во-первых, потому, что на польской земле должны были поселиться немцы и, во-вторых, потому, что должна была быть уничтожена преграда, отделяющая Германию от восточных земель.

Поляки стали сравнительно легкой добычей немецких полчищ потому, что феодальные остатки в Польше воспрепятствовали тому, чтобы народ в единой борьбе устоял против немцев, а шляхтичи, владевшие огромными землями, предпочитали германское господство призраку распределения земли или восприятию советской колхозной системы. Они считали опасным контакт польского солдата с советским солдатом и не приняли сотрудничества своего великого соседа, подававшего ему руку.

После овладения Польшей началось уничтожение польского населения посредством знакомой уже германской тактики: будто поляки совершали страшную жестокость против германского населения в Польше, картина одинакова по замыслу, хотя и различна по форме и содержанию. Она напоминает Катынь и Винницу: расклеивались огромные афиши, показывающие страшную жестокость "поляков" против немецкого меньшинства. Это давало моральное оправдание немецкой жестокости, которая в сущности была следствием строго выработанного и применяемого государственного плана — обезлюдить Польшу и устроить немецкое население на польской земле.

Результат был достигнут. Население массово избивалось. Одна часть населения ушла в леса и начала партизанские действия против немецких поработителей — гражданских и военных властей. Другая часть — преимущественно люди, годные для работы, — была выслана в Германию на работу в страшных условиях.

Третья часть, преимущественно военнопленные, была заключена в лагеря военнопленных, сначала в Польше, а затем и во вновь захваченных русских землях.

Но события шли своим ходом. Вопреки первоначальному миролюбию к Советскому Союзу, Гитлер 22 июня 1941 года дал своим войскам приказ вторгнуться в пределы СССР. Не было никакого сомнения в том, какова будет судьба советского населения в областях, занятых немецкими войсками.

Но вот и подтверждение сказанного словами самого Гитлера в книге "Гитлер мне сказал" — Германа Раушнинг:

"Когда мы захотим создать наше великое германское государство в его окончательной полноте, мы должны будем изгнать эти народы. Нет причин, чтобы мы не сделали этого. Наша эпоха дает нам технические средства для осуществления с относительной легкостью всех этих планов для выселения. Впрочем, эпоха после войны вызвала такое внутреннее переселение миллионов людей, в сравнении с чем наше сегодняшнее предприятие является мелочью. Чешко-Моравский бассейн, территории простирающиеся непосредственно на восток от Германии, будут заселены нашими немецкими крестьянами. Мы выселим чехов и других славян из этих областей в Сибирь или в земли на Волни, выделим им "резерваты" в новых конфедерированных государствах Райха. Чехов нужно изгнать из Центральной Европы. Пока они там, они всегда будут очагом гуситских и большевистских беспорядков. Только тогда, когда мы будем иметь волю и возможность достигнуть этой цели, я буду готов принять на себя ответственность пожертвовать целым поколением германской молодежи. Даже, если

цена должна быть такой, я ни на минуту не поколебался бы взять на свою совесть смерть двух или трех миллионов немцев, с полным сознанием тяжести этой жертвы.

Успех зависит от грубого удара, который ужасает и деморализует. А почему мы должны поступать иначе с нашими политическими противниками? Эти зверства избавят меня от сотни тысяч судебных процессов против недоброжелателей и недовольных. Они будут смотреть в оба перед тем, как предпринять что-нибудь против нас, когда будут знать, что их ожидает в концентрационных лагерях".

"Поэтому на нас возлагается долг обезлюдить эти земли и помочь увеличению немецкого населения. Необходимо установить технику истребления людей. Вы меня спросите, что значит "обезлюдивание" и не имеем ли мы намерения истребить целые нации? Да, почти так. Природа жестока, мы имеем право быть такими же. Когда я брошу в ураган железа и огня будущей войны цвет германской нации, не испытывая не малейшего сожаления о драгоценной крови, которая будет проливаться потоками, кто мог бы оспаривать право уничтожить миллионы людей низших рас, которые размножаются как насекомые и которых, между прочим, я не истреблю совсем, а только систематически буду препятствовать их увеличению, путем, например, отделения в течение многих лет мужчин от женщин. Вы помните падение кривой рождаемости во время последней войны? Почему не сделать преднамеренно и на много лет то же самое, что тогда было неизбежным следствием длительной войны? Существует много методов для устранения нежелательных народностей сравнительно безболезненным способом и во всяком случае без большого кровопролития".

"Впрочем, продолжил он, я не поколебался бы публично высказать эту идею. Французы достаточно укоряли нас после войны, что нас много, они говорили, что имелось 20 миллионов лишних немцев. Мы воспримем их слова, мы об"явим себя сторонниками экономии, управляемой демографическими движениями. Принимая оценку этих господ: необходимо уничтожить 20 миллионов человек, но пусть соблаговолит позволить мне произвести это в другом месте, а не у нас. Прошло много веков с тех пор, как начали говорить о защите бедных и слабых, возможно теперь наступил момент предохранить сильных, которым угрожают низшие. С этого момента одной из основных задач германской политики на долгое время будет всеми средствами мешать плодovitости славян. Естественный инстинкт приказывает каждому живому существу не только победить своего неприятеля, но и уничтожить его. В прошлые времена за победителем признавалось полное право уничтожать целые племена и народы. Мы проявим человечность, устраним своих противников постепенно и без кровопролития, а это значит просто подвергнуть их той же участи, которую они нам уготовили, если мы позволим им победить нас".

Однако, они еще в самом начале встретили отпор как со стороны советских войск, так и со стороны советского населения и это породило первые сомнения в германских военных кругах в успехе грандиозного восточного похода. Гениальное сочетание кутузовской отступательной тактики с новым способом ведения войны, ведения арьергардных боев, давало возможность Советам уводить большую часть населения с собой и уничтожать все сооружения, которые могли бы иметь значение при ведении войны.

Немцы вступили в полуопустошенные области и застали немного населения, которое было враждебно настроено против них. Это еще больше обострило курс отношения к оставшемуся населению. Имея в виду намеченный план уничтожения населения в восточных областях и заселение их германской "благородной" расой, можно себе представить картину судьбы этого населения. Громадная часть его была уничтожена, другая часть использовалась немецкой армией, а третью часть погнали, как стадо животных, к пределам Рейха, чтобы бросить это население в производство при самых нищенских условиях, где обыкновенно их кормили супом из травы.

В восточной части Польши к западной части Украины живет в компактной массе еврейское население. Озлобление немцев к нему огромно, потому что их расизм выражается в антисемитизме. Пропаганда Геббельса метала огненные стрелы против Советского Союза, в котором руководящими лицами будто являлись евреи. Поэтому об "яснимо" утверждение об удвоении немецкой жестокости.

В стотысячном украинском городе Виннице две трети населения составляют евреи. После перехода Винницкой области во власть оккупантов судьба как еврейского, так и русского населения была страшна. Перед нами пример Беломорско^х/фракийских и македонских евреев, которые были переданы болгарским фашистским правительством германским властям, чтобы быть брошенными в соляные рудники Польши, где они были уничтожены (по крайней мере та часть, которая доехала туда живой).

Согласно германской доктрине это население, как и русское, должно было служить удобрением земли для того, чтобы немецкие завоеватели могли собирать богатый урожай. Символ, как

х/ Болгарское название Эгейского моря - Прим.пер.

мы сказали выше, получает реальное выражение: роются германские ямы, укладываются убитые евреи и другое русское население таким образом, который показывает усердие немцев как в работе, так и в преступлении. Их кладут в ряд как сардины, чтобы они заняли как можно меньше места. Ямы зарыты, след преступления уничтожен, земля обезлюдивается и удобряется, чтобы дать возможность немецким феодалам стать помещиками во вновь захваченных землях и воскресить феодально-цеховое устройство мира.

Однако, история имеет много страниц. Немцы действительно считали, что никто не в состоянии открыть их преступления, так как в течение тысячелетнего существования гитлеровской Германии, как предсказывал сам Гитлер и его верный помощник Геббельс, будет достаточно времени, для того, чтобы трупы превратились в прах....

Пленную польскую армию нужно было разбросать по всем странам. Большая часть была уничтожена на самой польской территории, другая — была послана в Германию, а третью часть погнали во вновь захваченные советские земли. К ним была присоединена значительная группа польских офицеров и солдат, которые были задержаны советскими военными властями при оккупации русской Польши. Верные своим правилам и плану — уничтожать негерманское население, немцы приступили к его ликвидации. Хладнокровно, согласно плану, жертвы убивались и укладывались в предварительно вырытые громадные ямы, также по германскому образцу — "как сардины", а головы — одна к другой, "как арбузы", как выразились свидетели на процессе. Следы преступления снова уничтожены. А таких преступлений Совершенно вероятно много и многострадавшая земля поглотила громадное количество тру-

пов, уничтоженных по этому способу. Они будут открыты, суд истории будет судить их и установит размер их преступления.

История сурова и беспощадна. Германский империализм не может повернуть ее вспять к средневековью. В конце 1942 года началось русское наступление. Теббельс писал: "В борьбе мы одни, вокруг нас черная непроглядная ночь, мы недооценили неприятеля и переоценили наши силы. Варвары восточных степей поднимаются" и он повторил древний культ, что боги берут к себе тех, кого они любят в молодом возрасте..." Много немецких семейств осталось без мужского потомства, а многие из них принесли в жертву по одному члену семьи". В сущности, история лично следовала по своему пути. Сталинград стал началом и символом грандиозного поворота в истории. Гитлер не мог определить дату своего падения. "Варвары" восточных степей начали по-своему. Немцы были вынуждены повернуть обратно, причем обратный путь был гораздо тяжелее. Они повернули обратно после того, как водрузили свастику на Эльбрусе, после того, как почувствовали соблазнительный запах бакинской нефти, после того, как дошли до священной русской земли и после того, как издали увидели золотые купола Москвы и мраморные дворцы Ленинграда.

Обратный путь породил свои последствия. Одно из последствий — Катинское и Винницкое дела. Катинский лес был расположен очень близко к фронту близ Москвы, Катинское дело должно было быть первым, так как до Винницы немцам оставался еще очень длинный обратный путь и винницкое дело они ~~еще не успели~~ ~~вскроют~~ ~~тогда~~ ~~когда~~ ~~придет~~ ~~время~~.

Расчет был сделан так: Советы возвратятся, снова займут Смоленск и Катинский лес. Они неминуемо откроют злое место и растрелят об этом злодеянии по всей земле. Этого не должно быть. Контуры задуманного готовы: с одной стороны, нужно отнять у Советов возможность открыть злодеяния. Мы должны отнять у них первенство и обвинить их в злодеянии. Мир не должен услышать о германском злодеянии, мир должен знать, что это русское злодеяние. Таким образом, наивная германская масса успокоится после волнений в связи с германским отступлением. Шум поднимет престиж немцев в нейтральных странах. Таким образом, можно будет отвлечь внимание общественного мнения от грядущей катастрофы Германии.

Это была отличная идея. Органы пропаганды зашевелились. План составлен до самых мельчайших подробностей. Миссия возлагается на доктора ЦИЦ, но наряду с этим необходимо найти организатора из научных кругов, который дал бы оправдание миссии с медицинской научной точки зрения. Таким явился будапештский профессор Орзош. Неизвестно, с корыстной ли целью или из любви к германизму он это делал, но бесспорно, что он был посвящен в тайну и попытался блестяще исполнить свою задачу.

Мир должен присутствовать, поэтому приглашаются представители отовсюду. Разумеется, они могут быть найдены только в подчиненных Германии странах, частично в нейтральных. Они должны были представлять все круги: научные, культурные, духовные и политические. Были приглашены: Италия, Франция, Испания, Норвегия, Швейцария, Финляндия, Венгрия, Румыния, Польша и Болгария. Испанский делегат приехал в Берлин и в испанском посольстве отказался продолжать путь по причине состояния здо-

ровья. Есть все основания думать, что он в Берлине почувствовал запах трупов в Катини и своевременно вырвался.

Гаулейтер — Болгарии Бекерле бесконтрольно распоряжался в нашей стране. В нашем Министерстве Иностранных дел, он почти приказал передать доктору профессору Москову, что он выдвинут в качестве делегата. Последний не был польщен этим приглашением, так как нашел благоразумным рекомендовать другого для этой чести, которая предлагалась ему. Его заместитель делает все возможное, чтобы уклониться от поездки, но чиновническая психика не могла оказать очень сильного противодействия, оно было сломлено, и Болгария послала своего делегата в Катинь в лице доктора Марко Маркова.

Убеждение, что Германия проигрывает войну очевидно было очень распространено во всех кругах Болгарии, все чувствовали приближение освободительной грозы, поэтому не было кандидата для этой поездки. Все это чувствовали, кроме правительства Болгарии, предоставившего немцам возможность распоряжаться в стране, как в своем доме.

Случай в Виннице подобен этому. Он был открыт значительно позже, летом 1943г. Возможно, эффект Катини вселил уверенность в немцев, и они подумали, что убедили мир в "большевистских злодеяниях" в Катини. И действительно, у них было основание так думать: за их искусственное создание Катинского дела ухватились реакционные круги Европы и даже польское эмигрантское правительство в Англии, пославшее ноту протеста в Москву, возможно искренно считая, что авторами злодеяния являются Совет.

Выше было указано обстоятельство, что случай в Виннице должен был бы быть открыт позже Катини потому, что Катинь лежа-

ла ближе к линии германского отступления. Пришла очередь и для Винницы. Там жертвы "большевистских зверств" должны были быть из других кругов: в 1937, в 1938 годах в России преследовались политически неблагонадежные и христиане, их собирали в лагеря, затем привозили грузовыми машинами, убивали и зарывали. Убийства за религиозные убеждения должны будут пробудить религиозные протесты верующих во всем мире. Немцы рассчитывали на это, как на самый верный путь для компрометации Советов. Для этой цели в спектакль должны быть привлечены лица из других кругов, кроме медицинских. На этот раз было атаковано духовенство, оно должно было стать свидетелем "большевистских зверств" против благочестивых христиан.

Немцы ищут сторонников в Болгарии среди высших церковных кругов: владык и профессоров богословия. По словам протопресвитера ЦАНКОВА они почувствовали, что дело нечисто и что немцы стараются сделать их орудием своей пропаганды. Поэтому и в их среде не нашлось желающих поехать в Винницу. Высшие духовные лица из Синода предлагают послать своих подчиненных — архимандритов, часть из них тоже отказывается от поездки, но согласно правилам послушания, не имеет сил отказаться.

На спектакль снова приглашены врачи. На этот раз Бекерле лично заявляет, что не желает, чтобы поехал доктор Марков, так как он "упрямый болгарин". На этот раз жертвой явился доктор Михайлов. В Виннице снова неизменный Орзош, давший научную санкцию Винницкой процедуре, как и Катынской. В Винницу приглашены также общественные деятели, главным образом, стоящие во главе пропаганды в соответствующих кругах. Болгарским представителем был директор национальной пропаганды Борис Коцев.

Артисты на своих местах. Пьеса начинается, но режиссер предвидел не все: многочисленные предметы религиозного характера, как крестики, иконы, евангелия и проч., найденные в одежде убитых, показывают ясную тенденцию представить дело так, что убиты и уничтожены христиане при религиозном гонении. Но эти предметы не были найдены в момент открытия трупов, а сняты раньше и выставлены в специальной комнате. Вся обстановка сомнительная, но особенно очевидно одно обстоятельство, которое профессор Орзош, вопреки всему своему научному авторитету ученого и специалиста не может рассеять, это — состояние трупов, которые в Виннице пролежали будто 5 с половиной лет, а в Катини 3 года. Даже согласно церковным правилам ^{больше, чем} 7 лет достаточно для того, чтобы очистить кости от всякой плоти, и тогда их можно вынуть, чтобы поместить в могилу другой труп. Очевидно немцы недостаточно хорошо подготовили эту часть спектакля.

Впрочем, такова судьба всякого монтажа: на его поверхности всегда останется какая-нибудь брешь, через которую можно увидеть истину, но у немцев есть особая причина для этого. Они организовали в Софии, как это делали и в других подчиненных им странах, "антибольшевистскую выставку", она была так плохо подготовлена и даже настолько антихудожественна, что и те немногие, кто являлся сторонником немцев, выходили с этой выставки с таким чувством, что выставлены недостоверные экспонаты и что это неумелая пропаганда. Немец не критичен. Он воспринимает все так, как ему преподносится и внушается. Чувство дисциплины достигает у него чувство стадности. Его характеру неприсуще сомневаться, чтобы искать истину.

Но болгары, как об этом свидетельствуют подсудимые и свидетели, сразу усумнились в этом деле. Еще в Катини доктору Мар-

кову бросились в глаза многие обстоятельства, говорящие об инсценировке и конкретнее, что это не является делом Советов. Трупы здесь как внешние, так и внутренние хорошо сохранились. Одежда и обувь совершенно целы и годны даже для употребления. Нижнее белье, которое подвергнуто более быстрому гниению, также очень хорошо сохранилось. Создается убеждение, что ни коим образом не может быть, чтобы трупы были зарыты в землю три года тому назад, как об этом говорят немцы.

Это подозрение превращается в убеждение при наличии других побочных фактов: расположение трупов, способ уничтожения, профессиональные плакальщицы, подозрительность и недоверие немецких военных властей к делегатам, отношение к местному населению, изолированность, в которую были поставлены делегаты в Катнии, отсутствие жителей Смоленска, присутствие во всех случаях подозрительных личностей в нацистской форме и проч.

Это убеждение уже разделял и чешский делегат, который сделал хотя и небольшую, но для того времени значительную демонстрацию, говоря, что пражский университет закрыт. Но == неоспоримое выражение этого убеждения — что злодеяние не является советским делом, а если так, то приходится признать, что это дело рук немцев — доктор Марков отразил в акте об аутопсии. И дал несведущего очевидно, что отсутствует заключение, которое в этом случае весьма значительно. Но не только это. Марков для правильную картину констатированного при аутопсии трупа. Каждый сказал бы, что при данной картине трупа, давность его не более года.

Немцы подчиняются дисциплине. Самокритичность у них яв-

ляется редкостью. Они не сомневались, что при умелом составлении монтажа сомнений быть не может. О других они судят по своему методу: дело составлено великолепно. Доктор ЦИЦ знает свое дело — никто ни в чем не может усумниться, но нашлись люди, которые усумнились, прежде всего доктор Марков. И правдоподобны его слова, что немцы заметили тенденциозность акта и отсутствие заключения в нем, но нашли благоразумным умолчать, не желая официально признавать появившуюся брешь в этом деле.

Установлено с абсолютной точностью, что немцы остались крайне недовольны Марковым. Это прошло и по дипломатической линии, что дало возможность Бекерле заявить Сарафову в Министерстве Иностранных дел: "ни в коем случае не желаем этого упрямого болгарина доктора Маркова", а Памукчиеву сказать доктору Михайлову: "смотрите, чтобы у Вас не вышло так, как у доктора Маркова". Его трех заключается в том, что он сделал первую трещину в монтаже: отсутствие заключения и содержание акта. Отсюда вывод, что они хотели быть более убедительными перед всем миром и даже тени сомнения не бросать на авторство злодеяния.

В Виннице монтаж еще более очевиден: по немецким сведениям давность трупов устанавливается от 1937-1938 г.г. Жертвами, как мы уже сказали выше, были христиане и политические противники. Но преобладали первые. В этом духе и была устроена выставка вещей, найденных в одежде убитых. Но почему жертвы именно христиане — ведь в 1938 году даже противники Советского Союза не упоминали о религиозных гонениях. — Для немцев это не имеет большого значения. Они знают, что их народ поглощает

все то, что ему приподносят. Вероятно, так же будет и с другими. Они рассчитали, что Катынским делом настроили мировое общественное мнение и, в частности, военные круги против Советского Союза, и нужно признать с некоторым успехом: нота лондонского правительства Москве.

Теперь врачи должны были дать научное подтверждение инсценировки, а духовные лица распространить его в своих странах и поднять протест и негодование верующих людей против "безбожных большевиков". Желательно было присутствие делегатов из среды высших иерархов. Профессоры богословия и владыки у нас почувствовали, что это инсценировка, и отказались. Это уже является трещиной в инсценировке. Но обстановка в Виннице возбуждает гораздо больше подозрений: давность трупов устанавливается от 1937-38 г.г., а они не только не разложились, но значительно сохранились, с мускулами, кожей и внутренними органами. Колдовство профессора Орзопа было бессильно спасти положение и ни у кого не оставалось сомнения, что давность этих трупов не от 1938г., а не больше $1\frac{1}{2}$ и 2 лет. Это угадывали наши архимандриты, которые, несмотря на свое предубеждение ^{х)} и почти враждебное отношение к делу Советского Союза, не только усумнились в этом, но и убедились в неправде немецкого тезиса.

Но трещина в этой инсценировке гораздо больше во всяком отношении. Если трупы не разложились и для этого имеются какие-либо причины, то разложенная на лобном месте одежда, преимущественно хлопчато-бумажная, еще совершенно сохранившаяся, где

х) в тексте: "предупреждение", вероятно ошибка машинистки. Примечание переводчика.

ясно видна полинявшая вышивка, является категорическим доказательством того, кто автор злодеяния. Здесь можно сделать возражение, что имелись случаи, хотя и совершенно редко, когда в сильно глинистой почве трупы сохранялись на долгое время. Однако, из показаний подсудимых и свидетелей, а самое главное, из материалов доклада географического института о почве и климатических условиях Винницкого края, видно совершенно ясно, что там нет таких условий, которые замедляли бы гниение как трупов, так и других предметов, так как почва там песчаная, а климат значительно теплый.

Вот обстоятельства, которые приводят подсудимых к процессу: оба врача подписали медицинский протокол, который констатировал, в одном случае в Виннице, в другом — в Катини, открытие дел и их происхождение. Этот протокол явился небольшим звеном в огромной цепи пропагандистского аппарата немцев. А трое архимандритов выступали по радио Донау в Берлине, чтобы весь мир узнал о Болгарии, о том, что трое болгарских архимандритов ездили на место, где было убито много благочестивых христиан и убедились в том, что это дело "большевистской жестокости" против христиан. Это приводит и бывшего директора пропаганды Бориса Коцева к оставлению вместе с Габровским коммюнике, прочитанного редакторам столичных газет о злодеяниях в Виннице и о предупреждении мира и прежде всего государств под немецким влиянием, что это является жестоким примером и уроком. Следовательно, необходимо активизировать борьбу против большевиков, чтобы оградить себя от этой опасности. Это является предупреждением. Немцы уже изменили тон своих песен: раньше они искали жизненных пространств и пытались облагородить восточ-

ные земли посредством заселения их немецкой расой, разумеется после уничтожения других. Но после 1943 года, когда они повернули обратно, уже необходимо было быть тревогу, которая вызвала инсценировки в Катыни и Виннице и привела подсудимых к процессу.

Кроме конкретных данных, собранных непосредственно в Катыни и Виннице, а также доводов и заключений в связи с этими инсценировками, имеются и другие, показывающие, что авторами злодеяний не могли быть другие, кроме немцев.

В связи с инсценировками в Катыни и Виннице был собран огромный пропагандистский материал. Германия и вся поработенная Европа была наводнена афишами о Катынской и Винницкой инсценировках, показывающих, как большевики расстреливают в тылу связанного польского офицера. Жертва имеет обыкновенный вид, а палач представлен, как явный кровопийца. Этот мутный поток разливал свое зловоние повсюду в нашей стране и усердно распространялся фашистскими органами власти, чтобы достигнуть последнего деревенского кабака. Это — одно из доказательств того, что Катынское и Винницкое дела были не зловещей находкой, свидетельствующей о человеческом зверстве, а одним из многочисленных злодеяний немцев, которые помогли им переложить вину на других и раструбить на весь мир посредством многоголосой пропаганды Геббельса о "большевистских" зверствах, а также сделать предупреждение, на удочку которого наш народ не поддался.

Но мы не можем не допустить, что те, кто устроили лагеря смерти в Люблине и Майданеке, являются авторами Катынского и Винницкого дел. Только опыт в этом отношении у них уже большой, так как ужасы Катыни и Винницы сильно бледнеют перед ужасами в Люблине. Эти авторы поняли, что их могут разоблачить, что мо-

жет быть установлен размер их злодеяний. Вот почему здесь они использовали более современные средства: сожжение трупов и использование их в химической промышленности. Здесь жестокость сочетается с немецкой практичностью и целесообразностью. Когда встает вопрос об авторстве злодеяний в Катыни и Виннице, можем сослаться, помимо собранных конкретных сведений, на известную немецкую практику в этом направлении по всей Европе, верхом которой явились лагеря смерти в Люблине и Майданеке в Польше.

В Польше уничтожено свыше пяти миллионов человек мирного населения. Во Франции в течение четырех лет убивали под видом бандитов десятки тысяч человек. Как во Франции, так и во многих других подчиненных странах уничтожали по 200-300 заложников за одного убитого немецкого солдата или офицера. В Югославии жестокость достигла максимальных размеров и количество жертв среди мирного населения превышает один миллион. Бельгия, Голландия, Норвегия дали свою немалую кровавую дань. Что касается европейского населения во всех подчиненных странах, как и в самой Германии, то германская жестокость превзошла всякие человеческие границы это население было почти уничтожено. Катынь и Винница являются небольшим звеном одной огромной цепи преступлений, совершенных немцами в Европе.

В свете данной здесь картины необходимо оценить как общую, так и индивидуальную вину всех шести обвиняемых, принимая во внимание обвинение их по закону "О Народном Суде" как виновников во влечения Болгарии в мировую войну и последствий ее, по ст. 2 §§ 2 и 10. Налицо должны быть условия: совершения действий, письменных, устных или других, которые способствовали совершению или

проведению указанных выше деяний, а также, чтобы эти письменные, устные или другие действия были действительными и существенными и действительно и существенно отразились на осуществлении или проведении этих деяний.

Все шестеро подсудимых совершили в этом направлении действия, применили письменные и устные средства. Марков и МИХАЙЛОВ подписали протокол, который после этого был использован немецкой пропагандой для приписания преступлений в Катини и Виннице Советам. Архимандриты произнесли речь перед аппаратом звукозаписи и согласились, что она была передана по радио Донау, а Борис Коцев произнес речь перед микрофоном в Виннице, о содержании которой у нас нет точных сведений, но ее общий дух содержит вину, хотя и небольшую, а самое главное, составил и прочитал перед журналистами коммюнике, которое было напечатано во всех газетах и чье содержание полностью содействует нарушению об"явленного нейтралитета к Советским Социалистическим Республикам и этим усложняет международное положение Болгарии.

Под словом "действительно" следует понимать, что действующее лицо сознательно совершило, говорило или писало что-нибудь с намерением, чтобы получился результат, проявив видимое усердие, для того, чтобы оправдать в тексте слово "действительно". Следовательно, термин "действительно" необходимо отнести к субъекту, к личности действующего лица, а термин "существенно" - к внешнему событию или результату.

Проанализируем деятельность каждого из подсудимых, начав с врачей:

из совокупной оценки доказательств по делу: об"яснений

подсудимых д-ра Маркова и доктора Михайлова, показаний свидетелей и письменных доказательств к делу устанавливается следующее фактическое положение деятельности этих двух подсудимых:

в апреле 1943 года немецкое правительство через своего посланника Бекерле потребовало от тогдашнего болгарского правительства послать врача — специалиста по судебной медицине — для участия в организованной германским правительством так называемой международной медицинской комиссии по исследованию трупов в найденных массовых могилах в лесу Катынь, вблизи Смоленска. Тогдашнее правительство Филова, не отказало, а как всегда отозвалось на требование и предложение германского правительства, как например, случай присоединения Болгарии к тройственному пакту и к антибольшевистскому пакту, а также об"явление состояния войны Болгарии с Англией и США и устройство антибольшевистской выставки в Софии. Оно откликнулось и на этот раз без возражений и приняло и это требование не учитывая того, что Болгария в этой войне сохраняет нейтралитет. Сначала, по распоряжению м-ра Филова, по телефону разыскивали д-ра Москова Ивана в Сливене, чтобы направить его. Доктор Москов прислал телеграмму, в которой указал, что может поехать доктор Марков. М-р Филов распорядился послать в Катынь доктора Маркова. Доктор Гюров, исполняющий должность начальника кабинета Главного секретаря Министерства Иностранных Дел, сообщил доктору Маркову приказ м-ра Филова выехать в Катынь для участия в указанной медицинской комиссии. Доктор Марков не желал поехать и делал усилия под разными предлогами отклонить от себя выполнение этого приказа. Он доказывал, что остался один в Институте, так как его начальник — доктор Москов находился в отпуске. Но Гюров показал ему телеграмму Москова, и это соображение не помогло. Гюров повел Маркова к Главному

секретарю Д. Шишманову. И перед ним Марков делает усилия отклонить от себя это распоряжение, об"ясняя, что он недостаточно известен, что необходимо разрешение университета, факультетского совета для заграничного путешествия, а также, что для исследования тысяч трупов, как об этом говорили, необходимо много времени, а он не может так долго отсутствовать из института. Шишманов об"яснил ему, что это не является препятствием, что в действительности немцы все подготовили и что он там не задержится, только посмотрит и подпишет некоторые протоколы. И ГЮРОВ и Шишманов дали понять Маркову, что это не обывновенное предложение для добровольного выполнения, а приказ министра-председателя, который необходимо выполнить, приказ категоричный и срочный, так как это было перед пасхальными праздниками и не было времени искать другого врача, что в связи с военным временем правительство может послать его вопреки его воле, даже мобилизовав его. Его быстро снабдили специальным паспортом. Он в это время виделся со своими коллегами. Он был угнетен, сломлен и как больной выехал для выполнения данного ему приказа. Но отказ Москова, быстрота и настойчивость при его отправке, об"яснения Шишманова, что там все готово и что ему нужно только подписать протоколы, что десяти дней достаточно для этого дела, возбудили у него сомнение, что дело касается какой-нибудь инсценировки, что германское правительство в данном случае преследует цель провести какую-то пропаганду против Советской России. И он, с этим сознанием, и намерением не делать такой пропаганды, уехал в Германию. Там на него произвел впечатление тот факт, что организатор расследования - ЦИЦ, директор внешних сношений при Ми-

нистерстве Здравоохранения в Германии, в прошлом имел карьеру в цирке. Произвело на него впечатление и то, что представитель Испании, остался в Берлине не потому что был утомлен, а просто потому что не хотел поехать в Катынь. Во время поездки к каждому представителю были приставлены двое немцев, которые относились к ним сдержанно, не говорили с ними и у него осталось впечатление, что большинство из них полицейские. В Варшаве их не пустили в город под предлогом, что не было времени, а в действительности они долго пробыли на аэродроме. В Смоленске немцы предупредили их, чтобы они не ходили в город без сопровождения военного лица — немца, иначе они могут быть арестованы. Из Смоленска они поехали в Катынский лес, расположенный приблизительно в 20 км. от Смоленска по течению реки Днепр, вдоль шоссе на протяжении 2-3 км., с остатками деревянной ограды. Они вошли в этот лес через вход с надписью над ним "Вход воспрещен". У входа был часовой. Сразу почувствовался запах разложившихся трупов. Они увидели ямы, трупы, люди выкапывали одни трупы, зарывали другие. Немец Буц объяснял им, что могилы были открыты еще в 1942г., но не объяснили, почему это расследование производится только в 1943 г. Одна яма размером была 20 x 10 x 3. Согласно вычислениям немцев в ней находилось 1200 трупов. Трупы были одеты и уложены, как сардины, без промежутков в одну сторону, голова к голове. Около 200 трупов было выкопано, а других зарывали. Было разрыто 4-5 ям. Большая яма была повыше, а другие — пониже. Почва была глинистая и песчаная. Буц объяснил, что в просеках леса находятся могилы и что можно отрыть и другие могилы. Однако

в их присутствии других могил не отрывали. При поверхностном взгляде на трупы было видно, что одежда сохранилась, можно было расстегнуть и снять ее, некоторые вещи даже были годны к употреблению. Стража привела 5-6 человек в качестве свидетелей. Допрос вел Орвош - венгерский представитель, к которому немцы относились особенно благосклонно. Он допросил только двух лиц, которые сообщали одно и то же, а именно, что "на станцию Гнездово в марте или апреле 1940 года поездом привозили военных лиц, польских офицеров из России, увозили их в лес, откуда были слышны выстрелы. Других не допрашивали. Все эти лица снова были уведены под стражей. Этот допрос не был запротоколирован. Доктор Марков старался заговорить с одним из членов комиссии от польского "Красного Креста" из г. Кракова, спросив его об этих трупах. Но в это время приблизилось военное лицо - немец, неодобрительно посмотрело на него, и поляк в смущении умолк, покраснел и, не попрощавшись с Марковым, отошел от него.

Оттуда делегатов комиссии немцы повели в один дом, где на столах и стенах были выставлены вещи, которые, по словам немцев, были взяты из одежды трупов, вынутых из виденных могил: пуговицы, пояса, ордена польских военных лиц, табакерка деревянная, с выгравированной внутри надписью "Козельск", блокнот с пометкой: "апрель, станция Гнездово, день для нас начинается плохо", удостоверения личности. Как Марков, так и другие делегаты не могли констатировать, кем и откуда взяты и принесены сюда эти вещи. Там они пробыли 10 минут. Чешский делегат проф. Гайек разделил сомнение Маркова, что эти трупы не имеют давности, указанной немцами, и что вещи, выставленные в доме, воз-

можно подложные. Неизвестно вообще, взяты ли эти вещи из могил.

На второй день перед обедом Марков, вместе с другими делегатами — врачами, сопровождаемые немцами, снова пошли на могилы. Буц распорядился вскрыть какой-нибудь из этих трупов делегатами — врачами. Марков взял один труп из большой ямы, порядковый номер трупа 827: Снял с него верхнюю и нижнюю одежду и сапоги с ног. Одежду можно было расстегнуть и снять: шинель, куртку, шарфик, фуфайку, верхнюю цветную рубашку, вполне сохранившуюся. Сапоги были сняты с трудом, швы на них не порвались, а сохранились "несмотря на то, что были шиты бумажными нитками". В куртке он нашел документы. Немец хотел сделать опись их. Но Марков посчитал, что они не имеют значения для медицинского исследования и положил их в конверт с надписью 827. О вскрытии Марков составил протокол, в котором отметил только констатированные фактические обстоятельства, без каких бы то ни было объяснений, и не записал в протокол заключения. Между прочим в протоколе он констатировал: кишки засохшие, легкие свернутые, сердце сохранившееся с заметными клапанами и мускулами, в желудке обнаружен остаток пищи "кашица". Позже, когда немцы заметили, что в протоколе нет заключения, они попросили Маркова написать заключение. Орзош сообщил, что нашел какой-то череп, но не показал его комиссии. Никто не видел, откуда он его взял. Орзош распорядился, чтобы были взяты с могил деревья и в Смоленске провел конференцию делегатов. Здесь Буц использовал момент и объяснил, что немцы здесь были только в качестве хозяев. В действительности немцы все сами делали. Они руково-

дили, указывали, распоряжались И здесь они заняли председательское место, не будучи избранными делегатами. Буц и Орзош составляли протоколы об исследовании трупов, не будучи уполномоченными на это комиссией. Они зачитали проткол. Немцы требовали, чтобы было записано, что деревья не старше 3 лет. Делегаты не согласились с этим, и немцы взывали находящегося под рукой лесничего — военное лицо — в качестве эксперта. Он разрезав деревца и установил, что они 3-летние, как этого хотели немцы. Это было записано в протокол, как мнение этого сведущего лица, а не как мнение комиссии. Орзош и здесь говорил о черепе — находке, о котором говорил раньше. Он сказал, что "констатировал кальциевые отложения на черепе" и об"яснил, что "на основе его исследований черепов в Венгрии" он пришел к заключению, " что это отложение показывает, что череп имеет трехлетнюю давность. Такие отложения вообще имелись на черепах более трехлетней давности". Никто из делегатов не подтвердил этого заключения и оно снова было записано, как его заключение, а не как заключение комиссии. Исследования, о которых он говорил, что делал над черепами, проводились в Венгрии в совершенно других условиях, чем в Катини.

Сначала заключение протокола было основано не на медицинских данных, а на свидетельских показаниях и вещах, в достоверности и аутентичности которых комиссия не была компетентна. Но во время составления протокола, немцы говорили с Берлином и оттуда было высказано недовольство протоколом в его первоначальном виде. Об этом говорил Палмери — итальянский делегат. К вечеру и утром еще не было никакого протокола. И делегаты уехали из Смоленска в Варшаву, где остановились на аэродроме Бела под Вар-

шавой. Сюда, на этот военный аэродром приехал Буц и торопливо объяснил им, что погода ухудшается, поэтому необходимо поспешить. Он роздал делегатам по столам экземпляры протоколов и они быстро подписали их.

Журналистам в Катини, Бяла, в Смоленске и в Берлине Марков не давал никаких интервью о виденном в Катини, несмотря на то, что его об этом просили. По возвращении в Софию от него потребовали интервью директор пропаганды Коцев, и газеты "Днес" и "Вечер". Он ничего им не сообщил. Германская миссия напомнила ему и настаивала на том, чтобы дать интервью, но он снова отказался. Требовали, чтобы он выступил перед врачами и студентами, но он и этого не сделал. По требованию Шипманова он дал краткое изложение, которое не было одобрено и не было помещено в "Зоре", а только в "Заре". Министерство напечатало протокол без его ведома.

Знакомым, близким и коллегам в Софии он заявлял, что случай в Катини является немецкой инсценировкой. В этом протоколе комиссии к фамилиям врачей, включая и его фамилию, было прибавлено "криминалист", для большего авторитета протокола, так как данные в нем были только уголовного, а не медицинского характера, т.е. свидетели, вещи, как и было указано вначале, а затем было прибавлено "и состояние трупов". А в действительности он, как и другие врачи, не был криминалистом.

Доказано, что доктор Марков не имел желания ехать в Катинь, для участия в этой комиссии и не хотел проводить пропаганду в пользу Германии против Советской России в связи с массовыми могилами в Катини. Условия, в которые он был поставлен, и обстоятельства, обусловившие его поездку и участие его в этой комиссии по-

казывают, что он был заставлен поехать приказом м-ра Филова, что он приложил достаточно усилий, чтобы не поехать, но это ему, как должностному лицу не удалось. Доказано также, что в связи с особенностью обстановки, в которой была организована его поездка, у него еще в самом начале зародились сомнения, что немцы совершили что-то нехорошее в Катини против Советской России и это сомнение порождает у него волю быть осторожным и не делать ничего в пользу этой пропаганды. И в дальнейшем, обстоятельства его поездки, встреча со стороны немцев, их отношения к нему и делегатам в Берлине, Смоленске и Катини, деятельность немецких руководящих лиц там, способ составления протокола комиссии укрепляют у него убеждение, что все это немецкая инсценировка и утверждает в нем волю ничего не делать в пользу такой пропаганды, считая это неправдой по отношению к Советской России. Он не только не сделал ничего добровольно, по своей инициативе, для поддержки германского тезиса, а напротив в границах возможного для него в тех условиях противился этой пропаганде. Он составил протокол о вскрытии трупа, не делая заключения, однако, констатируя объективные факты и обстоятельства, которые дают основание для заключения против германского тезиса, что они имеют давность до оккупации немцами этих мест. И позже, когда немцы хотели, чтобы протокол был дополнен заключением, он отказался сделать это. Заключение, которое следовало бы сделать в этом протоколе о том, что трупы не имеют давности, указанной немцами в то время нельзя было написать. Доктор Мар-

ков подписал общий протокол в обстановке военного аэродрома Бела, под Варшавой, Добавление к протоколу, подписанному доктором Марковым, свидетельствует, что подписание произошло не свободно, в буквальном смысле этого слова, так как не было возможности выбора — подписывать или не подписывать. Содержание же протокола не соответствует полностью его заключению. Поэтому, фактом подписания этого протокола Марков не сделал чего либо существенного и идейного по смыслу закона в пользу немецкого тезиса^и нарушения нейтралитета Болгарии. Использование же немцами этого протокола в печати и распространение его не является действиями Маркова. Он не хотел ни распространять, ни разглашать его. Способ, которым он был заставлен поехать, и обстановка, в которой был составлен и подписан этот протокол, исключают возможность характеризовать его поведение, как действительную поддержку немецкого тезиса и нарушение нейтралитета Болгарии. "Действительное" предполагает доказанную волю и сознание поддержки немецкого тезиса, тогда как именно это отсутствовало в данном случае. Скорее он действительно сопротивлялся осуществлению такой пропаганды и дал в акте вскрытия такие существенные обстоятельства, которые дают основание сделать заключения против немецкого тезиса. Так, он не сделал посредством печати, словом или другим способом чего-либо, что действительно и существенно могло бы помочь проведению политики правительства для нарушения нейтралитета Болгарии в отношении Советской России и таким образом ухудшило бы международное положение Болгарии. Обвинение по §х) обвинительного акта в отношении его не доказано, ввиду чего его следует признать невиновным и оправдать по этому параграфу.

х) Так в оригинале. Примечание Переводчика.

В июле месяце 1943 года германское правительство через советника миссии Германии потребовало от болгарского правительства одного делегата для участия в организованной германским правительством т.н. Международной Комиссии для расследования массовых могил в окрестностях города Винница (Украина). Сарафов — полномочный министр Министерства Иностранных дел, доложил об этом министру президенту ФИЛОВУ, который и в этом случае дал свое согласие для участия Болгарии через своего представителя в этой комиссии и распорядился, чтобы Дирекция здравоохранения назвала фамилию врача. В ответ на это главный секретарь Дирекции здравоохранения назвал доктора Ив:Москова, но тот отклонил это распоряжение и указал на доктора Михайлова, сообщив, что он находится в с.Дылбоки Дол, где проводит свой летний отпуск. В Министерство Иностранных дел явился полномочный Министр БЕКЕРЛЕ и настойчиво заявил о своем нежелании послать в эту комиссию доктора Маркова. Доктор Москов отказывался. Оставался в этом институте только доктор Михайлов. ЖЕЛЕВ, главный секретарь Дирекции здравоохранения, сообщил МИХАЙЛОВУ, что он назначен для отъезда в Винницу и предложил ему немедленно вернуться из с.Дылбокий Дол в Софию. Михайлов явился к доктору Сарафову, который ему объяснил, что по распоряжению Министра-президента ФИЛОВА он назначен для участия в вышеназванной комиссии в Виннице, куда должен выехать. МИХАЙЛОВ попытался избежать этого, объясняя, что не знает хорошо немецкий язык, что недостаточно подготовлен в этой области, поскольку в течение 5 лет имел только три случая по обследованию вы-

рытых человеческих трупов. Он знал также от доктора МАРКОВА о том, давлении, которому тот подвергался, в связи с его поездкой в Катынь и не желал попасть в такое положение. Он попросил доктора Москова помочь ему освободиться от этого дела но МОСКОВ ему об"яснил, что нельзя отказаться. И ЖЕЛЕВ, и САРАФОВ, и МОСКОВ дали ему понять, что он не может отказаться от исполнения распоряжения Министра ФИЛОВА и должен поехать. МИХАЙЛОВ впал в состояние угнетенности, подавленности и болезненного страха. САРАФОВ выразил Михайлову свое сожаление, об"ясняя ему, что ничего не остается другого, как ехать. Он был снабжен срочно специальным паспортом для Германии, куда уехал 7.УП, а оттуда вместе с другими делегатами выехал в Винницу.

Этой делегацией, руководил тоже известный ЦИЦ. Еще за время поездки в Винницу, ЦИЦ роздал в самолете всем делегатам, включая и Михайлова, конверты с бумагами о расследовании могил в Виннице, чтобы ==и предварительно подготовить их. Среди этих бумаг находились протоколы допроса немцами свидетелей, в которых заявлялось, что родственники убитых в Виннице, опознали трупы своих по одежде. В конвертах находились бумаги из могил в Виннице. В Виннице их встретили немецкие полицейские, которые отвезли их к могилам. Такие могилы имелись в трех местах, на расстоянии, приблизительно, одного километра одна от другой. В западной части, одного фруктового сада, им были показаны вскрытые ямы. Немец ВЕГНЕР им об"яснил, что в 1937-1938 г.г. вследствие саботажа были массовые аресты местного населения большевистской властью. До 1942 года сад был огорожен, но позже ограда стorerела. В начале 1943 года,

местное население говорило, согласно об"яснениям немцев, что оно видело капли крови в этих местах. Больничный служащий рас- сказывал, что он видел на этом месте грузовики с людьми. Не- мец, доктор ШАРДЕР, говорил перед делегатами, что он до это- го работал здесь над трупами, в количестве около 1000, и кон- статировал, что они были расстреляны в затылок, и он предпо- логал, что в этих могилах находилось 7-8000 трупов. Некото- рые видели там одежду, развешенную на веревках, о которой нем- цы заявили, что эта одежда была снята с трупов из этих могил. Одежда была хорошо сохранившейся. На хлопчатобумажных рубаш- ках видны были синие вышивки. Создавалось впечатление, что население держалось сдержанно, вело себя холодно. Некоторые женщины вертелись возле и ВЕГНЕР спросил одну из них, почему она там, а она рассказала, что муж ее был задержан колхозом, как враг народа, но она не могла найти и опознать его труп по одежде. Тогда они спросили другую женщину и она сказала, что муж ее был арестован, но она его не нашла среди этих тру- пов. Никто из них не сказал перед ними, перед комиссией, что нашел одежду своих близких среди этих трупов. Трупы были це- лыми, хотя и помяты. ВЕГНЕР распорядился сделать вскрытие. Ор- зош, венгерский делегат, приступил к вскрытию, остальные врачи также начали вскрытие трупов. МИХАЙЛОВ не делал вскрытия. Он только присутствовал при вскрытиях, которые делались осталь- ными врачами. ШАРДЕР и его люди только делали описание трупов, но не вскрывали их. Вокруг сада, на лугах имелись новые ямы для погребения вскрытых трупов. Возле ям лежало около 80 - 100 трупов. В одежде трупов не было бумаг. Трупы были целыми,

их кожа была сохранена. Были обнаружены ранения в шею и деформация пули костями. Мозг был сохранен и в его разрезе видны были топографические очертания. Внутренние органы сохранили свое строение. Было вскрыто 11 трупов: 8 мужских и 3 женских. Руки мужских трупов были связаны назад, а женские не были связаны.

Затем их отвели к другим ямам, находившимся на старом кладбище, а затем повели в городской сад, где также находились подобные ямы и отдельные трупы. Там они также видели вещи: блокноты, крестики, церковные книги. Немцы им объяснили, что эти вещи были найдены на этих трупах. Производило впечатление то, что немцы предупредили делегатов не ходить одним по городу, а только в сопровождении полицейских.

Делегаты не имели доступа к населению. Они вернулись в гостиницу в Виннице. Там немцы организовали заседание всех делегатов. Произвело впечатление то, что только шведский делегат не явился на это заседание. ВЕРНЕРУ пришлось его потом привести. На этом заседании выступил Вернер, не являвшийся специалистом, чтобы руководить таким научным заседанием. Там был также и ЦИЦ. ОРЗОШ передвигался свободно один по городу. ВЕРНЕР и Орзош взялись писать протокол комиссии, не будучи уполномочены делегатами это делать. Немцы принесли, какой-то аппарат для выступления. Орзош начал немедленно говорить "об ужасных картинах могил в Виннице, о злодеяниях большевиков". Никто другой не выступал. Орзош пишет в протоколе, кто участвовал в комиссии. ШЕРДЕР дал сведения, сколько было сделано вскрытий. При составлении протокола Орзош требовал записать

== обстоятельства, которые не были установлены, что жертвы находились под пыткой и зарыты живыми, ^{что} — были обнаружены трещины на черепах от ударов и земля в пищеводах. Никто из комиссии с этим не согласился. Раздраженный этим и не будучи в состоянии избежать и замолчать созданное впечатление о том, что трупы не были давности 1937-38 г.г., а более позднего времени, Орзош встал и начал об"яснять делегатам, что они не должны смущаться этими обстоятельствами, что на них не должно производить впечатления, что трупы выглядят более свежими. Он имел, якобы, опыт в этом отношении по исследования в Венгрии и в Катыни, ввиду которых следовало признать, что данные изменения в трупах указывали, что эти трупы давности 1938г., как говорили свидетели. ВЕГНЕР им об"яснил, что в данном случае не допускается иметь особое мнение, а следует довериться более опытным людям. ОРЗОШ написал свое мнение. Наскорою руку прошел обед. Орзош об"яснил, что перед вылетом он не ест и продолжал писать протокол, однако, не дал его им тот час. Они выехали в Берлин, но и там они сразу не получили его. В Берлине Михайлов встретил некоего Алексиева, который ему об"яснил, что немцы недовольны доктором Марковым и сказал ему, с угрозой "смотрите, чтобы у Вас не вышло, как у него". В Берлине, в комнате ожидания Министерства Народного здравоохранения, перед кабинетом Министра Народного здравоохранения делегатам был предложен протокол, для срочного подписания. Они его подписали не прочитав, потому что Министр ожидал их. Орзош выступил перед министром с речью, передал ему протокол, а Вегнер им сказал, что нужно рассказать в своих странах о виденном в Виннице. Затем один из делегатов сказал Михайлову, что он заме-

тил в протоколе вновь вписанные вещи, ввиду чего они потребовали исправления протокола. Но ЦИЦ заявил, что этого не может быть, что ничего нельзя исправлять, что они просто забыли, что и как было, но у них будет достаточно времени вспомнить, о том, что написано так, как оно было. А в действительности все заключение протокола было переработано в смысле подчеркнутой уверенности. А до этого оно было составлено в смысле "можно было бы предположить" Когда МИХАЙЛОВ вернулся в Софию, он передал один экземпляр протокола Сарафову в Министерстве Иностранных дел. Никакого доклада он не делал, Протокол у нас не был опубликован.

При составлении протокола Комиссией, в процессе обмена мыслями, Орзош говорил "это будем писать... так будем писать" После того, как протокол был перепечатан на машинке, его при подписании делегации не зачитывали. Все заключение было переботано в том смысле, что вместо "можно было бы предположить" составлено "с подчеркнутой уверенностью".

У поляны, где находились могилы, стояли старые деревья, и кроме травы не было особой растительности. А в протоколе написано (.....) х) каких в действительности не было и о которых вообще ^{не} было речи при составлении протокола. На самом деле при комиссии выртие трупов из могил не производилось, ямы были вскрыты до этого и трупы были раньше вынуты. Поэтому о плотности земли нельзя было говорить, как это написано в протоколе, а топографическое очертание в разрезе мозга не свидетельствует "о большой степени разложения", как написано в протоколе. В нем написано, что комиссия исследовала трупы, а ~~в~~ действительно было вскрыто только 11 трупов.

х) слово в тексте искажено, перевести невозможно,

Выражение "изменение трупов" так же добавлено позже. Ни один из очевидцев не был допрошен при делегатах. Побочные исследования не были произведены. Орзош взял для исследования кусок черепа, но не исследовал его. Состояние мозга при наличии топографических очертаний, видимость мускульных очертаний, констатация, что сердце цело, что его мускулы заметны, и стенки сохранены, как это указано в тексте протокола, свидетельствует о том, что эти трупы никак не могут быть давности 1937-1938 г.г., а скорее всего имеют давность полтора года - ($1\frac{1}{2}$).

В Виннице, в Германии и в Болгарии Михайлов не делал никаких заявлений в поддержку тезиса немцев о происшедшем в Виннице. Наоборот он перед своими знакомыми и коллегами определенно выражал свое мнение о том, что происшедшее в Виннице является "немецким делом", что эти трупы давности не более чем полтора года. Он возмущался перед своими знакомыми в связи с тем, что было опубликовано в газете "Вечер", определяя его раздутым и чрезмерным. Он заявлял, что записанное в протоколе не отражает правильности того, что констатировано при осмотре и вскрытии трупов в Виннице. В основу заключения протокола комиссии, вошли обстоятельства и данные криминального характера, на основании которых они, как врачи и некриминалисты, не могут дать компетентного заключения.

Доказано, что доктор Михайлов не хотел и не по своей инициативе въехал для участия в Медицинской Комиссии в Виннице. Исходя из опыта доктора Маркова, в связи с поездкой в Катынь, ему было достаточно ясно то положение, в которое он попадал, отправляясь в Винницу. Поэтому он сделал усилие, чтобы избежать возложенного таким образом на него работу и не поехать в Винницу.

Он просил доктора Москова, как своего шефа, помочь ему освободиться от этой работы, но не нашел с его стороны поддержки; немцы не хотели доктора Маркова. Оставался только он, как врач судебной медицины. Все, к кому он обращался ^{с кем} и имел встречи по этому поводу — Желев, Сарафов, Шипманов и Москов дали ему понять, что он не может избежать этого распоряжения Министра Филова и должен поехать. Почувствовав себя беспомощным, угнетенным, об"ятым болезненным состоянием страха, он подчинился и поехал. При этих обстоятельствах, обусловивших его от"езд, ясно, что он был вынужден выехать в Винницу и принять участие в этой комиссии. Эти обстоятельства так же породили у него сомнение, заставившее полагать, что немцы совершили что-то непорядочное в Виннице, что они намерены это использовать для пропаганды против Советской России, что и обусловило его намерение ничего не делать для такой пропаганды, что он и сделал, не дав никаких заявлений в этом смысле, ни в Виннице, ни в Берлине, ни в Болгарии. Наоборот, там, где это было возможно, он делал заявления в противоположном смысле, против тезиса немцев. Он подписал только общий протокол комиссии. Но в обстановке, показывающей, что он был вынужден это сделать при отсутствии условий выбирать и предпочитать. Способ, которым он был заставлен поехать для участия в этой комиссии, обстановка составления и подписания протокола комиссии, исключают возможность и любое основание характеризовать это его поведение, как действительную поддержку тезиса немцев. "Действительное", по смыслу закона, предусматривает доказанную волю совершить что либо для достижения поставленной цели, в данном случае — поддержка тезиса немцев и нарушения этим нейтралитета Болгарии в отноше-

нии Советской России; именно этого то достичь он не хотел и не хотел, что осуществлять, а наоборот, поскольку он имел возможность, он этому противодействовал, не сделав никаких заявлений в поддержку тезиса немцев и перед своими людьми и родственниками высказал свое мнение в том смысле, что происшедшее в Виннице является "немецким делом". Одно подписание протокола не осуществляет также элемента "существенно", требуемого законом для инкриминируемого деяния.

Не доказано, чтобы доктор Михайлов словом, печатью или действием существенно и действительно содействовал проведению политики правительства, не соответствующей об"явленному нейтралитету Болгарии в отношении Советской России, и чтобы он осложнил международное положение Болгарии. Поэтому следует его признать невиновным и оправдать по этому обвинению.

В начале июля месяца 1943 года в Дирекцию Национальной Пропанды, в кабинет подсудимого, в то время директора пропаганды, Бориса Коцева, пришел секретарь миссии Германии Бирман и пригласил подсудимого участвовать в поездке в Винницу, потому что в этом городе немецкими войсками были открыты массовые могилы убитых людей. Подсудимый спросил Бирмана, почему он остановился на нем, на что тот ему ответил, что туда поедут люди разных категорий: врачи, журналисты, духовные лица со всех стран Европы для осуществления официальной констатации явде международного протокола.

Подсудимый КОЦЕВ вежливо отказался от приглашения, но все же сказал, что доложит своему начальству. Сам же он значительно усумнился в происхождении этой находки. Однако, после встречи с Министром Внутренних дел Габровским и после того, как тот ему подчеркнул, что ~~едет~~ не для того, чтобы делать между-

народное расследование, а только ради посещения. Тогда он согласился и вылетел в Берлин, где его встретили профессор Яранов, некий ГАУНКЕ и др.

После банкета для гостей в Берлине, на котором со стороны немецких официальных властей были выступления о находке в Виннице, в том духе, что это дело советских властей, Борис Коцев, вместе с другими болгарскими посетителями Винницы и немецкими военными властями, выехал в Винницу, где они на другой день с утра посетили массовые могилы. В тот вечер областной военный управляющий приветствовал делегатов болгар и датчан, потому что они считались его гостями. После речи областного управляющего, чиновника министерства по управлению восточных областей, доктор Вегнер предложил Борису Коцеву ответить на приветствия областного управляющего. Борис Коцев заявил доктору Станишеву, что тот должен был бы выступить, но тот ответил ему, что официальным представителем Болгарии является Коцев, и поэтому он должен ответить на приветствия. Так и было сделано.

На другой день делегаты пошли на место находки. Там Коцев надеялся увидеть скелеты трупов, так как с момента злодеяний, якобы, прошло 5-6 лет, но с удивлением констатировал полуразложившиеся трупы.

Там Борис Коцев произнес перед микрофоном следующие слова: "Мы, четверо находящихся здесь, в Виннице, болгар испытываем ужас от виденной нами картины".

По возвращении в Болгарию Борис Коцев явился к Министру Внутренних Дел Габровскому и сообщил ему некоторые свои сомнения по поводу Винницкой аферы, на что министр ему ответил:

"Коцев, Вы уехали с предубеждением и возвратились с ним. Вопрос выяснен, имеется экспертиза, которая важнее наших размышлений". После этого Бориса Коцева в Дирекции пропаганды посетил советник германской миссии по культурным вопросам доктор Гарбен и потребовал, чтобы был прочитан ряд докладов в Софии и в других городах, а также, чтобы был написан ряд статей в газеты для сообщения о виденном и слышанном, разумеется с точки зрения немецкой установки, на что Коцев уклончиво ответил, что по этому вопросу он поговорит со своим начальством, с намерением каким-нибудь образом уклониться от выполнения этого.

Но история на этом не закончилась: на еженедельной конференции журналистов Борис Коцев прочитал от своего имени коммюнике — как директор нац. пропаганды и делегат Болгарии в Винницком расследовании. По поводу этого коммюнике Коцев утверждает, что он долго противился его составлению и что оно больше было состроено министром Габровским. Коммюнике заканчивается фразой:

"Действительно Винница является жестоким предупреждением для всех европейских народов". В другом месте в коммюнике говорится:

"Бесчисленное множество женщин, детей, и даже мужчин приезжает на это злое место в надежде опознать в вырытых трупах кого-нибудь из своих близких, кого они до этого считали высланными в Сибирь". А после этого:

"На этом самом месте палачи разбили так называемый парк культуры и отдыха и дети играли на трупах своих отцов". И затем:

"Арестованные после этого исчезали, а их родным сообщалось, что они высланы в Сибирь в ссылку на 10 или 15 лет. В

сущности они были ликвидированы еще на самом месте самым жестоким образом".

Наконец, в этом коммюнике говорится так: "На конференции представителей печати директор Национальной пропаганды г-н Борис Коцев поделился своими впечатлениями о виденном им в Виннице. Как известно, г-н Борис Коцев, вместе с другими нашими общественниками и другими должностными лицами по приглашению германского правительства, посетил гор. Винницу на Украине и видел страшные открытия, обнаруженные немецкими властями по указанию и при содействии местного населения".

По словам подсудимого он формально являлся автором коммюнике, в сущности же это было больше делом рук Габровского.

Перечисленными выше обстоятельствами, а именно 1) его согласие поехать в качестве официального болгарского представителя в Винницу, причем после Катинского дела; 2) действительное его участие в качестве болгарского представителя во всей Винницкой процедуре, предварительно намеченной и проведенной немцами; 3) его, хотя и небольшое, выступление перед всеми гостями на вечере, данном немецким областным управителем Винницы - доктором Вегнер; 4) его выступление перед микрофоном в Виннице на месте зловещего раскрытия и, наконец, 5) коммюнике, прочитанное на конференции журналистов и напечатанное в газетах - Борис Коцев бесспорно словом, печатью и действием действительно и существенно содействовал проведению политики правительства, несоответствующей об"явленному не"тралитету Болгарии в отношении Советской России и таким образом усложнил международное положение Болгарии, в связи с чем должен быть признан виновным по этому обвинению.

Однако, имея ввиду, что подсудимый Борис Коцев неохотно и по приказу согласился поехать в Винницу, что он приложил некоторые усилия для того, чтобы отказаться от этой поездки, что во время всей поездки он старался держаться в тени и не выкапывал особенно заметным образом свою ^{ей} привязанность к германскому тезису, что по возвращении в Болгарию он самостоятельно не выступил в печати по Винницкому делу, что мог бы сделать, как директор Национальной пропаганды, что не делал докладов в стране на эту тему, что уклонился, хотя и весьма острожно, от того, что доктор Гарбен настойчиво внушал ему издать брошюру своих впечатлений о Виннице, в которой, если бы она была написана, без сомнения, проводился бы немецкий тезис; что автором коммюнике был не только он, или скорее, только формально он, что вообще, будучи Директором Национальной пропаганды, он не проявлял себя, как ярый фашист; что он делал попытки уволиться именно в связи с тем, что не был согласен с проводимой Болгарией политикой, недовольство им, как Директором Национальной Пропаганды правительственных кругов, депутатов паламента и др. его поведение, в бытность его областным управителем в Старой Загоре, его неплохие отношения к прогрессивным кругам и, наконец, случай с Георгием Костовым — артистом проявившим себя в прошлом, как коммунист, дают основание Суду признать, что для подсудимого Б.К. есть смягчающие вину обстоятельства и что его деяние таково, что, хотя он существенно содействовал проведению политики правительства в направлении указанном в законе "О Народном Суде", его участие не было очень действенным. Руководствуясь вышеуказанными обстоятельствами, Народный суд, принимая во внимание то, что необходимо придерживаться мер наказания ниже средних мер наказания предвиденных в законе "О Народном суде",

т.е. 15 лет, и соответствующие смягчающие вину обстоятельства приговаривает его к 5 годам строгого тюремного заключения.

Суд находит, что следует проявить человечность в отношении детей подсудимого, хотя фашистское правосудие не проявляло таковой к детям борцов за народную свободу. Суд находит уместным не конфисковать его движимое имущество, конфисковав все его недвижимое имущество.

По решению Синода и по приглашению германской миссии необходимо было поехать в Винницу трем лицам из высшего духовенства в Болгарии. Приглашены были архиепископы. Этим немцы преследовали цель придать большую важность международному расследованию, которое они устроили в Виннице, и результаты которого предварительно были ими определены. Приглашение относилось вообще ко всем высшим духовным лицам в покоренных немцами странах в Европе. Митрополиты отказались поехать в Винницу под предлогом, что предстоит проведение сессии Синода, а может быть, чувствуя, какой опасности они могут подвергнуться, если поедут, так как по возвращении должны будут сообщить то, что им прикажут немцы. Вот почему они сочли благоразумным приказать поехать своим подчиненным. Таким образом эта миссия была возложена на архимандрита Иосифа.

Приблизительно 10 июля 1943 года германская миссия в Софии послала приглашение в Синод. Синод решил направить: подсудимых Иосифа и Стефана и протосингела Неврокопской митрополии ^и Парте-ния. Последний затем был заменен Николаем.

Итак, до своего отъезда духовные лица получили благословление заместителя председателя Св.Синода - Неофита Видинского. Иосиф выехал вместе со Стефаном 13 июля, а архимандрит Николай

остался до следующего дня, так как в самолете не было места. После своего приезда на берлинский аэродром, подсудимые духовные лица, снова выехали в Винницу самолетом, куда к половине третьего прибыли, после небольшой остановки во Львове. Немедленно после ~~==~~ приезда духовных лиц немецкие военные власти повели их, вместе с многими другими посетителями, в местность Долинки, вблизи гор. Винницы, где было сделано зловещее открытие. Им было сказано, что вырытые 100-1200 трупов являются трупами украинских крестьян, рабочих, интеллигентов и др., убитых советскими властями в 1937-1938 г. по самым различным поводам и причинам, но вообще, как враги народа. Общим впечатлением было, что трупы свежие. Выслушав об"яснения немецкого военного врача, что давность трупов от 1937- 1938г., подсудимые митрополиты Иосиф и Стефан усумнились в этом, так как трупы были в состоянии даже не полуразложения; у некоторых была видна кожа. В своих об"яснениях немецкие военные власти не упускали случая сделать упор на то обстоятельство, что многие из жертв убиты за свои религиозные убеждения и в результате Преследования религии в Советском Союзе. Количество всех трупов во всех могилах, большая часть которых не была разрыта, составляло около 9.000. Подсудимые присутствовали на похоронах вырытых трупов, богослужение велось русскими и украинскими архиереями. Вечером подсудимые архимандриты в разговоре между собой выразили сомнение относительно происхождения трупов и особенно относительно их давности. Они высказали предположение, что это трупы украинских евреев, убитых немцами после оккупации ими Украины. Это предположение особенно усилилось теми обстоятельствами, что трупы не могли иметь дав-

ности до 1941 г., когда немцы оккупировали Украину, и что в Виннице — где из 100 — тысяч населения 70 тыс. составляли евреи, ко времени находки евреев не было.

Подсудимые архимандриты не могли передвигаться одни по городу и не могли входить в контакт с местным населением, что они поставили себе задачей еще в Болгарии, руководствуясь своими религиозными соображениями. Вечером в гостинице митрополиты снова подтвердили свое убеждение, что это немецкая мистификация в ужасающих размерах. На другой день они посетили устроенную там выставку вещей, найденных на убитых. Им были показаны преимущественно церковные печати, крестики, четки, богослужебные книги, молитвенники, чем они хотели убедить своих гостей, что это действительно трупы людей, убитых за свои религиозные убеждения и взявших с собой даже в могилу реликвии своей религии. В это время произошли небольшие обсуждения, при которых подсудимые высказали небольшое возражение в виде иронии, что произвело не особенно хорошее впечатление на немцев. Особенное участие принял в этих возражениях архимандрит Стефан. После этого подсудимых попросили сказать несколько слов перед диктофоном о своих впечатлениях. Архимандриты отказались сделать это под предлогом, что не очень хорошо знают немецкий язык.

По возвращении в Берлин, подсудимых Иосифа и Стефана встретил болгарин доктор Алексиев, который спросил их, не выступят ли они по радио-Донау, чтобы передать свои впечатления о Виннице. Они ответили, что не имеют такого намерения, но он дал им понять, что нельзя избежать выступления по радио-Донау, так как этого настойчиво требуют немцы, и что смысл их поездки

в Винницу заключается именно в этом. На другой день у гостиницы "Адлон" они встретились с Найденом Памукчиевым, который попросил их зайти в помещение радио-Донау и высказать свои впечатления о Виннице, а также о самой Германии. По словам обоих подсудимых, они уклонились от посещения радио-Донау, но благодаря твердой позиции Памукчиева согласились высказать краткие впечатления. Выступление было в виде вопросов и ответов. Как один, так и другой сказали одно и то же.

В Германии, сказали они, все проникнуто желанием действовать для завоевания конечной победы. В Виннице они видели страшную картину убитых украинских крестьян и рабочих, проявивших себя как враги народа. Там они видели могилы в парке культуры и удовольствий, где проводятся спортивные игры, где дети, не подозревая того, играют на могилах своих отцов. Народ там измучен непосильным трудом и плохими условиями жизни. Но религиозность у народа сохранилась.

На другой день подсудимые присутствовали на обеде в честь болгарской делегации, руководимой профессором Станишевым. На этом обеде, кроме профессора Станишева, выступал также подсудимый Николай по вопросу о культурной связи между немецким и болгарским народами.

По возвращении в Софию подсудимый Иосиф сделал устный доклад секретарю Синода, в котором изложил свое убеждение, что в Виннице они присутствовали на немецкой мистификации. Одновременно он представил совсем краткий письменный доклад. Позже, после болезни подсудимого Иосифа, его приглашали, не лично, а, напоминаниями по телефону в Синод, выступить по радио у нас или написать для газет о могилах близ Винницы, но подсудимый избавился от этой обязанности. Во многих местах в присутствии близких ему людей он говорил, что это немецкая инсценировка.

ка. Он никуда не писал и нигде публично не выступал с впечатлениями о своей миссии в Винницу.

Из картины, нарисованной, как подсудимым архимандритом Иосифом, так и допрошенными свидетелями и при совокупной оценке их показаний видно, что на вопрос, содействовал ли подсудимый, архимандрит Иосиф, вышеописанными действиями действительно и существенно проведению политики правительства, несоответствующей об"явленному нейтралитету Болгарии в отношении Советской России и усложнил ли этим международное положение Болгарии, Народный суд отвечает "да.

Нет никакого сомнения, что еще Катинская мистификация должна была создать у такого культурного человека, каким является подсудимый архимандрит Иосиф, отрицательное отношение, которое оказало бы решительное влияние на его отношение к приглашению поехать в Винницу. Воздействие начальства не носило такого характера, чтобы породить в нем основательный страх и чтобы заставить его согласиться, наперекор своему желанию, поехать туда, чем напакостить своей родине. К нему не применили никакого физического и морального насилия. Послушание также не может служить извинением для подсудимого, так как он мог и должен был иметь свободную волю не подчиниться присущему духовному сану послушанию, если он убежден, или по крайней мере сомневается, что стоит на грани преступления.

Но затем следует его участие в качестве представителя болгарского духовенства в разных вечерах и собраниях в Виннице,

и самое присутствие его на этой инсценировке уже является выражением воли, чтобы содействовать этой политике. Но кульминационной точкой является выступление по радио — Донау. Даже, если допустить, что доктор Алексиев и Найден Памукчиев грубо воздействовали на подсудимого, это не может извинить его деяние. Тем более, что из Винницы подсудимый вынес не только сомнение, но даже убеждение, что виденное им является немецкой инсценировкой, и, вопреки этому, он сказал, в своем выступлении по радио, что это дело Советов. Разнесенные по эфиру слова, особенно духовного лица немалого ранга в церковной иерархии, оказали во всем мире свое глубокое воздействие и таким образом действительно и существенно содействовали проведению политики тогдашнего правительства.

Какова степень его вины? Архимандрит Иосиф неохотно согласился поехать в Винницу, сделав некоторые попытки отказаться. Это уже представляет уменьшение вины. Ни в Виннице, ни в Берлине, кроме как по радио, он не выступал. Но допустить, что Алексиев и Памукчиев могли в некоторой степени каким-либо образом напакостить ему в случае отказа выступать по радио-Донау. Архимандрит Иосиф — слабая и мистическая натура, возможно у него зародился основательный страх и он вынужден был согласиться. Народный суд признает установленным, что он в своем устном докладе секретарю Синода высказал свое убеждение, что виденное им является немецкой мистификацией. Его доклад совершенно краток, очевидно он не имел намерения широко излагать виденное в Виннице, так как не был согласен с немецким тезисом. Совершенно краткая форма доклада дает возможность умол-

чать о своем мнении, и естественно, что отрицательное мнение он не мог высказать в таком докладе. И наконец огромное воздействие этого случая на его психику; его болезнь после возвращения; отказ дать куда бы то ни было какие-нибудь заявления и высказанные в присутствии некоторых свидетелей не только сомнения, но и убеждения, что это немецкая мистификация свидетельствует о том, что вина архимандрита Иосифа заслуживает меру наказания гораздо ниже средней. При совокупной оценке всех собранных доказательств по делу, Народный суд находит, что необходимо признать за подсудимым обстоятельства, крайне смягчающие вину и приговорить его к одному году строгого тюремного заключения. Руководствуясь теми же соображениями и на основании § х) декрета-закона "О Народном суде" Народный суд постановляет конфисковать все его движимое и недвижимое имущество.

Вместе с архимандритом Иосифом в Винницу ездил также архимандрит Стефан. У него другой темперамент, другой характер и сообщение об отъезде иначе отразилось на нем. Может быть сильная его любознательность или стремление к авантуре заставили его более охотно, даже по доброй воле поехать в Винницу. Поездка как одного, так и другого полностью совпадает. Различие появилось только во время посещения в Виннице выставки вещей, найденных на трупах. Там, согласно показаниям других подсудимых, а также показаниям свидетелей, архимандрит Стефан высказал значительные возражения против немецкого тезиса и поставил в весьма большое затруднение немецкого руководителя и экскурсовода выставки. Немцы, видимо, были недовольны.

В Берлине он, хотя и неохотно, согласился выступить по радио Донау, что почти то же, что сказал архимандрит Иосиф. Но он

х) Так в оригинале. Примечание Переводчика.

сказал значительно больше и значительно убедительнее. По возвращении в Болгарию архимандрит Стефан поделился впечатлениями с бывшим тогда митрополитом, а ныне Экзархом Стефаном, сказав ему, что виденное ими не что иное, как немецкая инсценировка.

Оценивая вину архимандрита Стефана и сопоставляя ее с виной подсудимого архимандрита Иосифа, Народный суд находит, что подсудимый архимандрит Стефан навлек на себя и против себя значительно большую вину, чем архимандрит Иосиф, поскольку при своем отъезде в Винницу он не оказал никакого противодействия, какое мог бы оказать. Он весьма волевой, властный и красноречивый человек и, если бы он был против его отправки в Винницу, то, благодаря своей находчивости, он легче нашел бы повод для отказа. После Катынского дела каждый разумный человек, кроме людей с немецкой ориентировкой, не мог не поставить еще в самом начале перед собой вопрос: поехав в качестве делегата болгарской церкви на такую международную мистификацию, не нанесет ли он обиды стране, которую обвиняют, т.е. Советскому Союзу? Не ухудшит ли его участие наши отношения с нашей освободительницей, в которой бросают в лицо такие страшные обвинения? Само согласие участвовать в этой делегации уже укрепляет в Народном суде убеждение, что подсудимый вполне сознательно, с умыслом и желанием совершил деяние.

Реакция от пережитого в Виннице по возвращении в Болгарию у подсудимого архимандрита Стефана совсем не такая, как у архимандрита Иосифа. В то время, как последний переживает ее очень глубоко и заболевает от этого, в то время, как он дает письменный и совершенно краткий доклад, из которого видно его несогласие с немецким тезисом, подсудимый Стефан переживает все очень

легко, воспринимает все, как естественное. Хотя он и высказал некоторым лицам свои сомнения, даже свое убеждение, что виденное им является немецкой инсценировкой, в других местах и с другими лицами он поделился мнением, которое ставят под сомнение правдивость сказанного им. Именно так он говорил с амвона церкви в Скопле, в Рильском монастыре и перед журналистами, что, будучи сопоставлено с его утверждением, что он был убежден в том, что виденное в Виннице является немецкой инсценировкой, создает противоречие не в его пользу.

Кроме этого, из статьи, написанной им ранее в Тырновскую церковную газету, явствует, что он убежденный противник Советов и что его поездка в Винницу, выступление по радио -Донау и в Болгарии по возвращении, не случайно, а является плодом создавшегося ранее убеждения.

С другой стороны, имея ввиду, что: в Виннице он сделал некоторое возражение, хотя Народный суд берет это под сомнение; что сообщил некоторым лицам в Болгарии о своих сомнениях в отношении немецкой инсценировки; что полностью доказано что он, рискуя даже своим саном, помог в Скопле группе прогрессивной молодежи, обвиненной в конспиративной деятельности, что помогал многим евреям и пр. - его вина значительно смягчается.

Вот почему и при совокупном обсуждении собранного материала Народный суд находит, что подсудимый архимандрит Стефан совершил преступное деяние, предвиденное в статье 1, § 2 и 10, а именно, словом и действием действительно и существенно содействовал проведению политики правительства, несоответствующей об"явленному нейтралитету Болгарии в отношении Советской России и таким

образом ухудшил международное положение Болгарии, и по обсуждению смягчающих вину обстоятельств приговаривает его к трем годам строгого тюремного заключения и конфискации его движимого и недвижимого имущества.

Подсудимый архимандрит Николай Гаврилов также участвовал в церковной делегации в Винницу. Его участие первоначально не было предвидено. Из трех выдвинутых делегатов: Стефана, Иосифа и Партения — последний отказался и архимандрит Николай сам вызвался поехать в качестве делегата, вместо отказавшегося Партения.

Излишне повторять всю картину отъезда, пребывания в Берлине, отъезда в Винницу, картину открытий в Виннице, которая абсолютно такая же какой она была нарисована при обсуждении виновности других двух подсудимых архимандритов. Разница только в том, что: 1) он первый и сам явился для записи выступления по радио — Донау, 2) явился во второй раз вместе с другими архимандритами; 3) взял и привез в Софию пластинку с записанным выступлением, которая вышла неудачной, 4) он выступил перед семинаристами — воспитанниками Рильского монастыря; 5) выступал в классе перед семинаристами, 6) написал статью после возвращения из Винницы "Две системы, два мира" в журнал "Идеи".

При оценке Народным судом вины подсудимого архимандрита Николая необходимо принять во внимание следующие обстоятельства: подсудимый сам предложил себя для участия в делегации. Это уже показывает ясное отношение к тезису немцев о массовых убийствах вблизи Винницы, что сам подсудимый не отрицает, что это было на пользу немцам. Неубедительно и наивно обьяснение подсудимого,

что он желал поехать в Винницу с тем, чтобы добраться в Киев-колыбель русского православия. При установленном тогда, в, так называемых, восточных областях немецком военном режиме было неммыслимо, чтобы одно лицо или целая церковная делегация отклонилась от своего пути в Винницу и поехала в Киев. Подсудимый не выглядит таким наивным, каким он хочет представить себя в этом случае, чтобы допустить такую возможность. Следовательно, суд считает, что подсудимый сам предложил свои услуги участвовать в делегации и сознательно хотел содействовать чем — нибудь немецкому тезису.

Народный суд не может считать случайным то обстоятельство, что подсудимый Николай сам встречался с Найденом Памукчиевым и посетил радио — Донау, чтобы записать на пластинку свои впечатления о Виннице и Германии. Своим посещением он значительно содействовал и облегчил устройство второй встречи, в которой приняли участие и другие подсудимые архимандриты. Не случайно также то обстоятельство, что данный в честь болгарских делегатов банкет, в котором участвовали: профессор Станишев, Славчо Загоров, д-р Балканский и др. подсудимый архимандрит Николай "случайно" пошел раньше других, был в официальном костюме и, после выступлений других, взоры гостей и хозяев были обращены к нему и он сказал несколько слов о культурных и духовных связях между немцами и болгарским народом. Очевидно, что подсудимый Николай Гаврилов предварительно подготовился к этому "немецко-болгарскому" торжеству — и сказанные несколько слов были в связи с Винницким делом. И это обстоятельство показывает отношение архимандрита к немецкому тезису.

После возвращения в Болгарию подсудимый не только не поделился своими впечатлениями с знакомыми и не подтвердил своего сомнения, о том, что это немецкая инсценировка, (показания допрошенных в этом отношении свидетел^я суд считает недостоверными), но он своим словом распространял немецкое утверждение, что находка в Виннице является делом рук Советской власти. Так, вскоре после своего возвращения, он некоторое время пробыл в Рильском монастыре, где делал доклад на тему "Впечатления о Виннице". В этих докладах он повторил то, что сказал по радио-Донау, но более подробно и более убедительно

Кроме того, допрошенный свидетель - солдат, бывший тогда учеником семинарии, сообщил, что подсудимый выступал на эту тему и в классе. Что его отношение к этому вопросу именно таковое, в этом нет никакого сомнения и это устанавливается двумя фактами: 1) Вскоре после своего возвращения из Винницы он написал статью "Две системы, два мира", в которой ясно выразил не только свои убеждения, но и свое крайне отрицательное отношение к Советскому Союзу. В этой статье он говорит о "неслыханном терроре и убийствах" очевидно под влиянием своего убеждения, что открытия в Виннице являются делом Советов. 2/ В 1942 году он, будучи ректором Софийской духовной семинарии, ездил с учениками в с.Банкя -на немецкое военное кладбище, где произнес речь, проникнутую любовью к немцам и ненавистью к Советскому Союзу. Это показывает, что у подсудимого имеется такая последовательность в убеждениях и действиях, такая политическая мораль, которая дала ему возможность действительно совершить приписанное ему преступное деяние. Ибо духовному лицу, если у него нет политического отношения, не нужно было выражать

так категорически свое политическое убеждение, как в статье, так и в своих докладах перед учениками. Следует, значит, признать, что подсудимый архимандрит Николай вполне сознательно и без внешнего принуждения, о котором он говорит в своих показаниях, выступал по радио -Донау.

Имея ввиду все собранные по делу доказательства и при их совокупной оценке Народный Суд приходит к убеждению, что подсудимый архимандрит Николай Гаврилов словом и печатью действиями и существенно содействовал проведению политики правительства, несоответствующей об"явленному нейтралитету Болгарии в отношении Советской России и таким образом ухудшил международное положение Болгарии, в связи с чем признает его виновным в этом деянии. При этой совокупной оценке о степени вины Народный суд находит, что подсудимого следует приговорить к пяти годам тюремного заключения и конфискации его движимого и недвижимого имущества.

Настоящие мотивы верны с оригинала и составляют нераздельную часть от приговора от 28 февраля 1945 года .

Председатель третьего Верховного Состава Народного Суда -
София-

Борис Лозанов.

Министерство правосудия удостоверяет, что поставленная выше подпись Главного прокурора Верховного Кассационного суда Бориса Лозанова – председателя 3-го Верховного Состава Народного суда – София является собственноручной.

София, 21 марта 1946 года.

Начальник Гражданского отделения – Борис Добрев.

(Печать)

Министерство Иностранных дел и Вероисповеданий удостоверяет вышепоставленную подпись и печать Министерства юстиции.

София, 21 марта 1946 года.

Секретарь Консульского отдела (подпись неразборчива)

(печать)

Настоящий документ легализован в Консульском отделе Миссии Союза ССР в Болгарии.

г. София, 21 марта 1946 года.

(печать)

Заведующий Консульским отделом Миссии

Союза ССР (подпись неразборчива)

№ 132

Настоящая папка содержит тридцать четыре (34) листа

Начальник Уголовного отделения Министерства Юстиции

(печать)

Ст. Станев.

Перевела: *Н. Зеленова* (П. Зеленова)